

В. А. НЕССЕЛЬ, К. С. УШАКОВА

НОВАЯ НАХОДКА ТЕРРАКОТОВОЙ СТАТУЭТКИ С ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

Проблемы изучения религиозной жизни древних обитателей Северного Причерноморья всегда пользуются повышенным научным интересом. Однако последние десятилетия можно по праву считать настоящим прорывом в этой области исторической науки, поскольку именно теперь впервые учеными делается попытка собрать воедино и обобщить колоссальный массив информации о различных аспектах и особенностях культовой практики античного населения данного региона, накопленный за долгие годы археологических исследований. Среди появившихся в последнее время научных работ, посвященных не только систематизации, но и всестороннему анализу имеющихся к настоящему моменту знаний о религиозных представлениях и культах жителей древнего Северного Причерноморья, прежде всего, следует выделить труды А. С. Русяевой [Русяева 1992; Русяева 2005¹], раздел в коллективной монографии А. С. Русяевой и В. М. Зубаря [Русяева, Зубарь 2004: 333–430], книгу В. М. Зубаря [Зубарь 2005], часть главы о духовной жизни жителей античной Феодосии в работе Э. Б. Петровой [Петрова 2004: 134–148], монографии С. Ю. Сапрыкина [Сапрыкин 2009] и И. Ю. Шауба [Шауб 2007].

Несмотря на такое постоянное внимание исследователей к изучению сакральной жизни обитателей этого уголка античного мира, многие вопросы остаются еще недостаточно изученными. Тем ценнее оказываются вновь открываемые памятники, позволяющие приблизиться к пониманию того или иного аспекта древних религиозных представлений. Одной из проблем, требующих дополнительного изучения, является исследование культовых мест, расположенных за пределами стен античных городов. Среди таких памятников исследователи выделяют полисно-пограничные или ландшафтные и сельские святилища²; веро-

ятнее всего, сюда же следует причислить и находившиеся на аграрной округе античных полисов сооружения производственно-хозяйственного назначения, на которых зафиксированы проявления определенной культовой деятельности [Николаенко 1997: 76–78]. К числу подобных памятников можно отнести крупный хозяйственный комплекс в округе Херсонеса Таврического, расположенный на западном берегу Стрелецкой бухты (участок 101-а по нумерации Г. М. Николаенко — см.: [Николаенко 2001: 58–59]). Плановое изучение данного объекта проводится с 2003 г. экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» под руководством О. Я. Савелия³ [Савелия, Демьянчук 2004; Савелия, Демьянчук, Нессель, Савелия Д. 2006; Савелия, Савелия Д., Демьянчук, Нессель 2007; Савелия 2010]. Памятник представляет собой достаточно крупный винодельческий комплекс, состоящий из винодавильных площадок, сооружений для изготовления и хранения продуктов виноделия, помещений хозяйственного назначения. В южной части исследуемого участка располагалась отдельно стоящая башня. Комплекс возникает во второй половине IV в. до н. э. и за время своего функционирования неоднократно перестраивается. Предположительное время прекращения его существования — вторая четверть II в. до н. э. [Савелия, Савелия Д., Демьянчук, Нессель 2006: 12–13; Савелия 2010: 6, 13–14] (Рис. 1).

Большой интерес представляет центральный участок древнего винодельческого комплекса. Здесь в разные годы были открыты несколько прямоугольной формы ям-суслоприемников-?, два подвала для хранения пифосов, тщательно сnivelированные винодавильные площадки, несколько округлых вырубов для установки хозяйственных сосудов (пифосов). Массовый материал составляют обломки рухнувшей черепичной кровли (некоторые из них с клеймами); многочисленные фрагменты синопских и херсонесских

¹ Здесь же см. подробную библиографию по вопросам изучения религии и культов античного Причерноморья [Русяева 2005: 8–13].

² Имеющиеся к настоящему времени мнения по данному вопросу изложены в работах А. А. Масленникова [Масленников 1997: 150–171; Масленников 2002: 194–197] и А. С. Русяевой [Русяева 2002: 271–276; Русяева 2005: 177–178].

³ Авторы благодарят руководство экспедиции за любезное предложение опубликовать находки из данного комплекса.

пифосов (в том числе массивный венец с меткой); фрагменты амфорной тары производства Родоса — второй четверти — середины III в. до н. э. [Монахов 2003: 116–117, табл. 80 (6)], Херсонеса — конца IV — первой четверти III вв. до н. э. [Монахов 1989: табл. XXIII], Синопы — второй половины II — начала I вв. до н. э. [Монахов 2003: 152–154, 156, табл. 105 (2), 106 (2)]; простой столовой и чернолаковой посуды конца IV — первой трети III вв. до н. э. На некоторых синопских черепицах из завала сохранились клейма середины IV в. до н. э. и начала III в. до н. э. [Кац 2007: 434–435]. В одном из подвалов был обнаружен бронзовый херсонесский дихалк 350–330 гг. до н. э. [Савеля, Демьянчук 2004: 10].

Как показывают раскопки, данный памятник сам по себе уже является неординарным для округи Херсонеса древним агротехническим комплексом, однако еще больший интерес вызывают некоторые обнаруженные здесь находки. Речь идет, прежде всего, о материале из ямы-суслоприемника, расположенной в юго-восточной части исследованного участка (Рис. 2).

Вырубленная в скале яма округлой формы с плоским дном ориентирована в направлении север-юг и имеет в центре продольное углубление. Размеры ямы: 1,5 x 1,7 м; глубина 0,95 м; глубина выемки 0,45 м. В заполнении ямы, забитой плотной глиной желтовато-коричневого цвета, находилось значительное количество керамических обломков. Среди них следует выделить фрагменты черепицы производства Синопы, Херсонеса и Гераклеи, обломок венца херсонесского пифоса, сильно поврежденную придонную часть гераклейской-? амфоры, фрагменты крупного хозяйственного сосуда, фрагментированный лепной горшок, 2 керамических грузила херсонесского производства, 2 крупных фрагмента сырцовых кирпичей.

Здесь же, в юго-западной части ямы, на глубине 0,05 м от дневной поверхности, была обнаружена уникальной сохранности голова женской терракотовой статуэтки, прикрытая фрагментом херсонесской черепицы. Высота сохранившейся части фигурки 9,5 см, высота головы с прической 7,4 см. Терракота была изготовлена из двух половинок, сохранились следы соединения швов. Рельеф односторонний. На оборотной стороне головы имеется широкое глубокое отверстие. Терракота изготовлена из плотной светло-коричневой глины, содержащей включения извести и очень мелкого пироксена. Статуэтка была покрыта ангобом зеленовато-желтого оттенка, на лице сохранились следы белой и розовой краски. Лицо овальное, правильной формы, с полными щеками

и выступающим вперед подбородком. Губы припухлые, с левой стороны уголок рта слегка опущен. Нос прямой, со стертым кончиком, ноздри профилированы инструментом. Брови дуговидные, глаза большие, с сильно выделенным верхним веком, с моделированным, слегка выпуклым глазным яблоком. Лоб покатый, над ним — уложенные в высокую остроконечную прическу из кос волнистые волосы, с отдельной прядью, поднятой от центра лба вверх. На волосах имеются следы последующей доработки (Рис. 3).

Статуэтка фрагментирована, но размеры сохранившейся части головы позволяют предположить ее высоту в целом виде ок. 50 см (Vitruv. III, I, 2).

Среди терракот Херсонеса, равно, как и всего Северного Причерноморья, прямых аналогий нашей находке не известно. В то же время в коропластике классического и эллинистического времени Афин и Коринфа встречаются изображения женских фигур в подобных высоких прическах. Речь идет о фронтальных стоящих или сидящих фигурках молодых женщин, часто с подвесными конечностями, интерпретируемых исследователями как «куклы» [Merker 2000: 101, pl. 15, nos. C164, C165; Winter 1903: 170, nr. 1]. Нет точных сведений о том, использовались ли эти статуэтки в качестве игрушек, но данный термин прочно закрепился в научной литературе [Merker 2000: 48]. В частности, несколько аналогичных головок «кукол» были обнаружены во время раскопок святилища Деметры и Кору в Коринфе [Merker 2000: 101, pl. 14, nr. C138, pl. 15, nos. C164, C165]. Это фрагменты довольно крупных статуэток (в целом виде — от 25 до 50 см), изображающих девушек с остроконечными, возвышающимися надо лбом прическами. Волосы заплетены в косы, изображенные во всех трех случаях довольно схематично, а от середины лба наверх идет прядь волос или коса. Контекст, в котором они были обнаружены, довольно широк и датируется автором VI — началом III вв. до н. э., в отдельных случаях — первыми веками н. э., хотя в Коринфе их производство продолжалось до III в. до н. э. [Ср.: Merker 2000: 98, 101]. Еще одна целая фигурка «куклы» с похожей прической (но меньшего размера) аттического производства V–IV вв. до н. э. опубликована Ф. Винтером [Winter 1903: II, 170, № 1]. В этом случае от середины лба наверх также заплетена коса, но волосы показаны параллельной штриховкой и завернуты сзади в сфендон (саккос-?).

Существует также достаточно широко распространенная, в том числе и в Северном Причерноморье группа женских терракот с высокими прическами, общая трактовка которых перекликается

с нашей находкой. Это так называемые фигурки «девушек с приношениями», изображающие сидящих, слегка склоненных вперед молодых женщин с посвятельными дарами в руках. При всех различиях в трактовке данного образа и моделировке статуэток, характерными для этого типа являются высокие прически из волос, накрученных на ленту и собранных в узел, выступающий надо лбом (волосы при этом обозначены параллельными штрихами). Известны такие терракоты из Коринфа [Higgins 1954: pl. 137, nr. 974; Merker 2000: pl. 9, nos. C83, C86], из Аполлонии [Дремсизова 1963: 279, табл. 143, № 8200], из кургана Большая Близница [Грач 1974: 38–39, табл. 44, 1–3, табл. 45, 1], из Горгипсии [Кругликова 1974: 46, табл. 50, 1]. Однозначного мнения относительно места производства «девушек с приношениями» среди исследователей нет: большинство склонны считать их коринфскими [Higgins 1954: 266; Силантьева 1972: 47–49], но есть и попытки отнести их к аттическому производству [Грач 1974: 38; Клейман 1970: 28; Кругликова 1974: 46; Передольская 1962: 52]. Датируются фигурки в основном первой четвертью — серединой IV в. до н. э., но экземпляр из Аполлонии авторы относят к концу V — началу IV вв. до н. э. [Дремсизова 1963: 279].

Несмотря на кажущееся своеобразие каждой из вышеупомянутых групп терракотовых статуэток, между ними можно заметить определенную взаимосвязь. Так, в святилище Деметры и Коры в Коринфе были найдены «куклы», держащие в руках приношения [Merker 2000: 49]. Из Коринфа происходят также «куклы» без приношений, но с моделировкой причесок, характерной для «сидящих девушек» [Higgins 1954: pl. 137, nr. 973; Merker 2000: pl. 13, nos. C129, C134; pl. 15, nos. C158-C159, C168].

Можно предположить, поэтому, что эта взаимосвязь могла носить более глубокий характер, основанный на ритуальном значении каждого типа терракот.

Значительное количество «кукол», найденное при раскопках святилища Деметры и Коры в Коринфе, подразумевает их теснейшую связь с культом этих богинь. Тем не менее, даже в его рамках можно говорить о нескольких функциях «кукол» как вотивов. Проще всего интерпретируются фигурки с приношениями в руках: посвящая такую «куклу» Деметре, даритель мог надеяться на ответную благосклонность богини и богатый урожай.

Столь характерные для «кукол» высокие прически могли служить своеобразными апотропами, то есть были призваны защищать от злых сил.

Вкупе с их способностью произвольно двигаться, имитируя движения живого человека, эти свойства могли символизировать победу над смертью, особенно если считать, что приносились они в дар Коре, как богине подземного царства. Как невесте, ей же могли приносить «кукол» в дар девушки, достигшие брачного возраста, — как символ прощания с детством (если «куклы» использовались как игрушки) или, что не менее вероятно, как символ достижения физической зрелости, залог плодотворного замужества и деторождения [Merker 2000: 49–50].

Фигурки «девушек с приношениями», в свою очередь, также связываются с культом Деметры. А. А. Передольская в подобных статуэтках из кургана Большая Близница видит изображения дочерей царя Элевсина Келея, который вместе со своей семьей, согласно гомеровскому гимну (Hymn. Hom. V, 475–480), стал первым почитателем и служителем элевсинского культа [Передольская 1962: 660].

Контекст находок, а также само место их обнаружения, позволяют сделать некоторые наблюдения и предположения. Обращаясь к практике исследования культовых памятников в Северном Причерноморье можно заметить, что такой «набор» предметов характерен для почитания хтонических божеств и связанных с особенностями их культа ритуалами. Более того, весьма близкие аналогии нашему памятнику мы находим на Боспоре, где открыты несколько святилищ Деметры и Коры-Персефоны. Так, при исследовании святилища элевсинских богинь на «Береговом-4», имевшем два этапа существования: рубеж VI/V — первая половина V вв. до н. э. и рубеж IV/III — середина I вв. до н. э., один из обнаруженных объектов, а именно круглая в плане яма, в которой находилась протома Деметры, керамический медальон с изображением Афины и раковина каури, интерпретируется исследователями как «колодец Деметры». При этом особенно подчеркивается, что данный объект является именно жертвенником, а не вместилищем для вышедших из употребления культовых вещей [Завойкин 2002: 264]. В этом же святилище в большом количестве присутствовали нижние части амфор, в том числе и с отбитыми ножками [Завойкин 2005: 165–168]. Эта особенность, а именно традиция посвящения хтоническим божествам нижних частей сосудов, зафиксирована на ряде памятников Северного Причерноморья. Обнаруженные в святилищах Китея и Нимфея посвящения Деметре и Коре были выполнены на доньях чернолаковых сосудов [Молева 2002: 78–79; Худяк 1952: 267,

272]; подобное расположение посвячительных надписей в честь Деметры, Персефоны, Иакха и Кабиров имеется среди ольвийских граффити [Яйленко 1980: 78]. Обряд подношения хтоническим божествам нижних частей сосудов, в том числе и амфор, отмечен на кепском некрополе VI–II вв. до н. э. [Сорокина, Сударев 2001: 135]. Немало примеров посвящений Деметре на доньях сосудов есть среди керамического материала Херсонеса и его округи [Граффити 1978: 43–46, №№ 499, 507, 509–511, 525–526, 530, 532; Соломоник 1984: 43, 51, 55, №№ 103, 156, 190].

Не является случайным и присутствие в данном комплексе находок лепного, правленого на гончарном круге горшка, со следами копоти на внешней поверхности (высота сохранившейся части сосуда 11,5 см). Горшок с грушевидным туловом, плоским, слегка вогнутым внутрь дном, был изготовлен из рыхлой глины оранжево-коричневого цвета, неровного обжига, содержавшей значительную примесь песка, шамота, известковых частиц (Рис. 4 а). Как известно, в честь Деметры проводились специфические обряды приготовления «священной каши», бросания горшков в расселины или скатывания их к алтарям хтонических божеств. По мнению Б. Л. Богаевского, этот обряд мог быть связан с празднованиями Фесмофорий, занимавшем особое место в культе Деметры и Кору-Персефоны (Herod. II, 171; Paus. II, XIV, 1) [Богаевский 1916: 194–195; Латышев 1897: 132]. Первоначально для варки «священной каши» использовались бобовые, к которым впоследствии были присоединены другие злаки различных сортов, давшие название обряду — «всезерние». Смысл данного действия заключался в своеобразном повторении тех происходящих в природе процессов, когда сухое, «неживое» зерно, помещенное в сосуд земли, путем воздействия земных сил: природного тепла, воды, воздуха, давало новую жизнь и новые рождения. В обряде роль почвы, в которую опускается зерно, выполнял горшок, где во время варки и происходило священное таинство появления новой жизни [Богаевский 1916: 194–195].

Вероятней всего, в Северном Причерноморье также существовала практика проведения подобного обряда; впервые мысль об этом, применительно к Боспору, была высказана А. А. Передольской и нашла поддержку со стороны С. Ю. Сапрыкина и И. Ю. Шауба [Ср.: Передольская 1954: 120–122; Сапрыкин 1983: 67; Шауб 2005: 69]. Немаловажно отметить, что Деметра считалась не только подательницей новой жизни, но и могущественной охранительни-

цей и защитницей всего живого (Ср.: Herod. VIII, 65; IX, 101; Paus. VIII, 42, 1–5).

Обращает на себя внимание факт находки в данной яме керамических грузил пирамидальной формы, со сквозными отверстиями в верхней части. Изделия изготовлены из плотной глины оранжевого оттенка, содержащей включения известковых частиц, песка и пироксена. Размеры грузил: высота 6,2–6,7 см, основание 3,2x4,5 см и 4,6x4,3 см (Рис. 4б-с). Изучение культовых комплексов Северного Причерноморья показывает, что среди приношений хтоническим божествам неоднократно встречаются ткацкие и рыболовные грузила [Молева 2004: 263–268; Носова 2005: 202–204]. Если в первом случае грузила можно считать женскими дарами, то в случае обнаружения рыболовных грузил основное внимание, вероятно, следует уделять не их назначению, а форме — конусу. Как известно, конические камни во многих древнейших религиях считались символом плодородия [Носова 2005: 203], поэтому в приношении в дар предметов пирамидальной и конической формы можно усматривать и скрытый намек на подачу плодородия.

Можно предположить, таким образом, что описанные выше предметы попали в заполнение ямы не случайно, и представляют собой остатки какого-то ритуального действия. Этот ритуал, на наш взгляд, носил единовременный характер и мог быть проведен в то время, когда после небольшого перерыва, в середине III в. до н. э., возрождается хозяйственная деятельность на этом месте. Археологическое исследование памятника показывает, что в первой четверти III в. до н. э. данный комплекс был постепенно оставлен, а уже с середины III в. до н. э. начинается новый этап его функционирования. Назначение комплекса остается прежним (изготовление винодельческой продукции), но сокращаются объемы производства. В это время часть ям-сулоприемников была засыпана. Вероятно, именно тогда описанный нами выше сулоприемник и был использован для проведения некоего обряда, после чего эта часть комплекса была перекрыта вымосткой.

На возможность такой интерпретации косвенно указывает вся совокупность данных находок. Так, фрагмент терракотовой статуэтки, связанной, как было отмечено выше, с культом Деметры и Кору, мог, в нашем случае, отражать традиционную для данного культа взаимозависимость между плодородием земли и деторождением у людей (фертильностью человека/женщины).

Остальные предметы (нижние части амфоры и лепного горшка, керамические грузила) также

характерны для обрядов, призванных задобрить божеств плодородия. По всей вероятности, участники священной церемонии стремились на новом месте снискать одобрение Великих богинь в своих начинаниях, а также заручиться их поддержкой и благосклонностью в надежде на богатый урожай и дальнейшее процветание.

В заключение хочется отметить, что на сегодняшний день исследование памятника не завер-

шено. Так, к примеру, вследствие плохой сохранности строительных остатков до сих пор остается открытым вопрос о существовании здесь помещений жилого характера. Вполне вероятно, что в ближайшем будущем появится возможность проверить наши предположения и получить более полное представление об особенностях культовой практики в рамках данного хозяйственного комплекса.

ЛИТЕРАТУРА

- Богаевский Б. Л. Земледельческая религия Афин. Т. 1. — Пг., 1916.
- Граффити античного Херсонеса (на чернолаковых сосудах). — К., 1978.
- Грач Н. Л. Терракотовые статуэтки из кургана Большая Близница // *САИГ* 1–11, IV. — 1974: 36–39.
- Дремсизова Ц. Теракоти от некрополя на Аполония // *Аполония*. — София, 1963: 275–285.
- Завойкин А. А. ТΩ ΤΕΩ: образы и символы Матери и Дочери в святилище элевсинских богинь на «Береговом 4» // *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I*. — СПб., 2002: 259–266.
- Завойкин А. А. Фрагменты амфор из раскопок святилища на «Береговом 4» // *БИ VIII*. — Симферополь-Керчь, 2005: 152–176.
- Зубарь В. М. Боги и герои античного Херсонеса. — К., 2005.
- Кац В. И. Греческие керамические клейма эпохи классики и эллинизма (опыт комплексного изучения) // *БИХVIII*. — Симферополь-Керчь, 2007.
- Клейман И. Б. Статуэтки из Роксолан (Никония) // *САИГ* 1–11. — 1970: 27–29.
- Кругликова И. Т. Терракоты из Горгиппии // *САИГ* 1–11, IV. — 1974: 3–50.
- Латышев В. В. Очерк греческих древностей. Богослужбные и частные древности. Т. 1. — СПб., 1897.
- Масленников А. А. Сельский теменос (?) в Восточном Крыму (предварительная информация) // *ВДИ* 4. — 1997: 150–172.
- Масленников А. А. Сельские святилища античного Боспора: загадки и разгадки. *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. I*. — СПб., 2002: 194–197.
- Молева Н. В. Очерки сакральной жизни Боспора (избранные статьи). — Н. Новгород, 2002.
- Молева Н. В. «Производственные» вотивы в Китейском святилище. *Боспорские чтения: Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Этнические процессы. V*. — Керчь, 2004: 263–268.
- Монахов С. Ю. Амфоры Херсонеса Таврического IV–II вв. до н. э. — Саратов, 1989.
- Монахов С. Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. — М.- Саратов, 2003.
- Николаенко Г. М. Исследования на Маячном полуострове. 1993–1995 гг. // *ХСб VIII*. — Севастополь, 1997: 75–87.
- Николаенко Г. М. Хора Херсонеса Таврического. Ч. 2. — Севастополь, 2001.
- Носова Л. В. Греческие культы на западной окраине ольвийского полиса // *Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников*. — СПб., 2005: 201–206.
- Передольская А. А. Об отражении обряда «всезерния» в терракотах V в. до н. э., найденных в Северном Причерноморье // *МИА* 33. — 1954: 114–122.
- Передольская А. А. Терракоты из кургана Большая Близница и гомеровский гимн Деметре // *ТГЭ VII*. — Л., 1962: 46–92.
- Петрова Э. Б. Античная Феодосия. История и культура. — Симферополь, 2000.
- Русяева А. С. Религия и культы античной Ольвии. — К., 1992.
- Русяева А. С. Древнегреческие ландшафтные святилища в Северном Причерноморье // *Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. II*. — СПб., 2002: 271–276.
- Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху. — К., 2005.
- Русяева А. С., Зубарь В. М. Религиозное мировоззрение // *Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. — VI в. н. э.* — Харьков, 2004: 333–430.
- Силантьева П. Ф. Коринфские терракотовые статуэтки из Пантикапея // *ТГЭ XIII*. — Л., 1972: 30–55.
- Сапрыкин С. Ю. Культ Деметры в Боспорском царстве в VI–IV вв. до н. э. (к вопросу о содержании обрядов земледельческих богинь на Боспоре) // *Из истории античного общества* 3. — Горький, 1983: 59–71.
- Савеля О. Я., Демьянчук С. Г. Отчет об охранных исследованиях в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Фадеева-Щитовой и трассах инженерных сетей квартала в г. Севастополе в 2004 г. // *Архив НЗХТ*. Д. 3690.
- Савеля О. Я., Демьянчук С. Г., Нессель В. А., Савеля Д. Ю. Отчет об охранных археологических исследованиях и наблюдениях в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в Севастополе в 2006 г. // *Архив НЗХТ*. Д. 3864.

- Савеля О. Я., Савеля Д. Ю., Демьянчук С. Г., Нессель В. А. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2007 г. // *Архив НЗХТ*. Д. 3909.
- Савеля О. Я. Отчет об охранных археологических исследованиях и контроле за земляными и планировочными работами в зоне строительства квартала жилых домов по ул. Степаняна в 2010 г. // *Архив НЗХТ*. Д. 4089.
- Сапрыкин С. Ю. Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. — М.- Тула, 2009.
- Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. — К., 1984.
- Сорокина Н. П., Сударев Н. И. Предметы, связанные с культами и магией, из погребений кепского некрополя VI–II вв. до н. э. // *Боспорский феномен: колонизация региона, формирование полисов, образования государства* I. — СПб., 2001: 133–139.
- Худяк М. М. Раскопки святилища Нимфея // *СА* 16. — 1952: 232–281.
- Шауб И. Ю. О культе Деметры на Боспоре. // *Боспорский феномен: проблемы соотношения письменных и археологических источников*. — СПб., 2005: 65–70.
- Шауб И. Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье (VII–IV вв. до н. э.). — СПб., 2007.
- Яйленко В. П. Граффити Левки, Березани и Ольвии. *ВДИ* 2. — 1980: 72–99.
- Higgins R. A. Catalogue of the Terracottas in the Department of Greek and Roman Antiquities in British Museum. P. I. — London, 1954.
- Merker G. S. The Sanctuary of Demeter and Kore. Terracotta Figurines of the Classical, Hellenistic, and Roman Periods. *Corinth. XVIII. IV*. — Princeton- New Jersey, 2000.
- Winter F. Die Typen der figürlichen Terrakotten. I–II. — Berlin-Stuttgart, 1903.

В. А. Нессель, К. С. Ушакова

НОВАЯ НАХОДКА ТЕРРАКОТОВОЙ СТАТУЭТКИ С ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена одной находке из раскопок крупного хозяйственного комплекса античного времени на западном берегу Стрелецкой бухты — фрагменту женской терракотовой статуэтки. Имеющиеся аналогии дают возможность интерпретировать терракоту как «куклу» и связывать

ее с культом Деметры и Кори. Контекст находки и сопутствующий материал также позволяют думать, что она использовалась в ритуальном действии, скорее всего, разового характера, целью которого было задобрить богинь плодородия и заручиться их поддержкой.

В. О. Нессель, К. С. Ушакова

НОВА ЗНАХІДКА ТЕРАКОТОВОЇ СТАТУЕТЦІ З ОКРУГИ ХЕРСОНЕСА ТАВРІЙСЬКОГО

РЕЗЮМЕ

Стаття присвячена одній знахідці з розкопок значного господарського комплексу античного часу на західному березі Стрелецької бухти — фрагменту теракотової статуетці. Існуючі аналогії надають можливість інтерпретувати теракоту як «ляльку» і пов'язувати її з культом Деметри

и Кори. Контекст знахідки та супутній матеріал також дозволяють припускати, що вона використовувалася в ритуальному діянні, скоріш всього, разового характеру, метою якого було задобрити богинь родючості та заручитися їх підтримкою.

V.A. Nessel, K.S. Ushakova

**A NEW FIND OF A TERRACOTTA FIGURINE
FROM CHORA OF TAURIC CHERSONESOS****SUMMARY**

This article is devoted to a single find from the excavations of a large ancient agricultural complex which is situated on a western coast of Streletskaya bay — namely a fragment of a female terracotta figurine. All available analogues enable to interpret the figurine as a «doll» and to associate it with

Demeter and Kore cult. The context of a find and the accompanying material let us think as well that the figurine was used in a ritual ceremony, probably of a one-time character, which aimed to blandish the Goddesses of fertility and to receive their support.

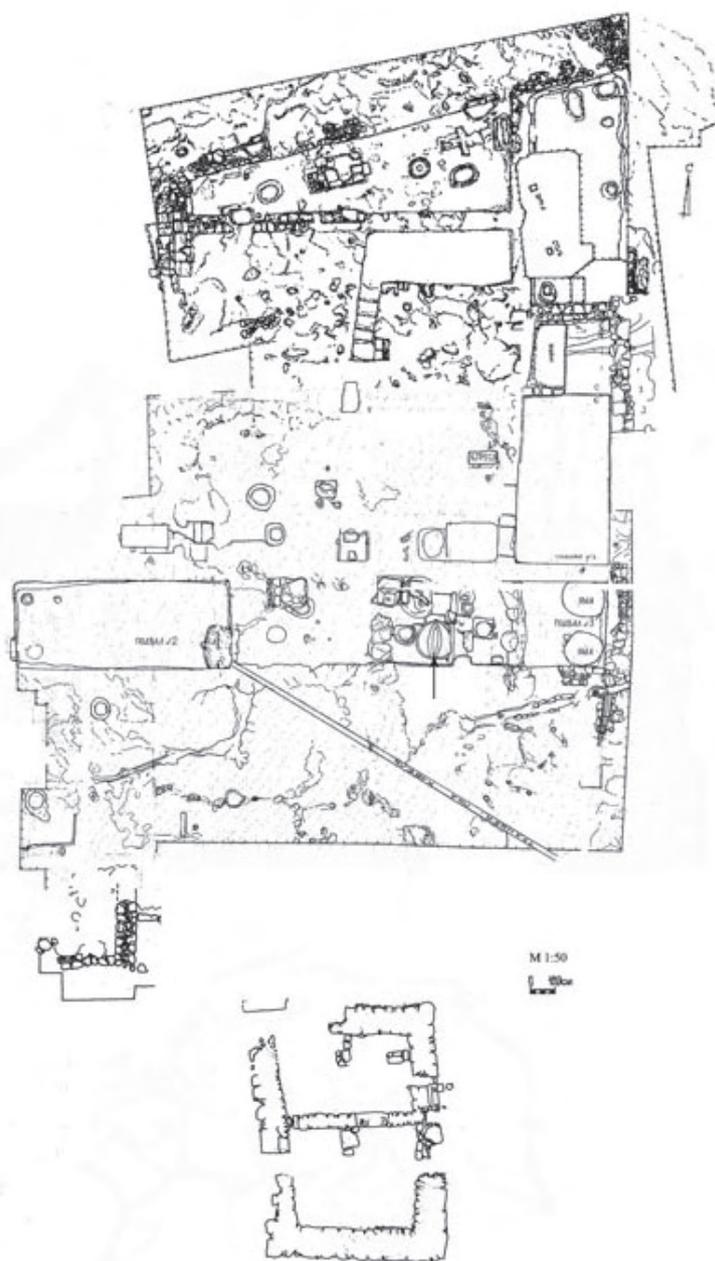

Рис. 1. План хозяйственного комплекса античного времени на западном берегу Стрелецкой бухты (Масштаб 1:50).

Рис. 2. Яма-суслоприемник.

Рис. 3. Фрагмент терракоты: а — вид спереди, б — вид сбоку, с — вид сзади.

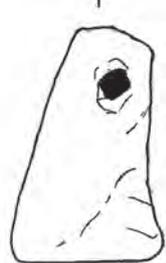
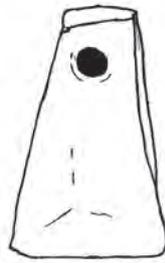
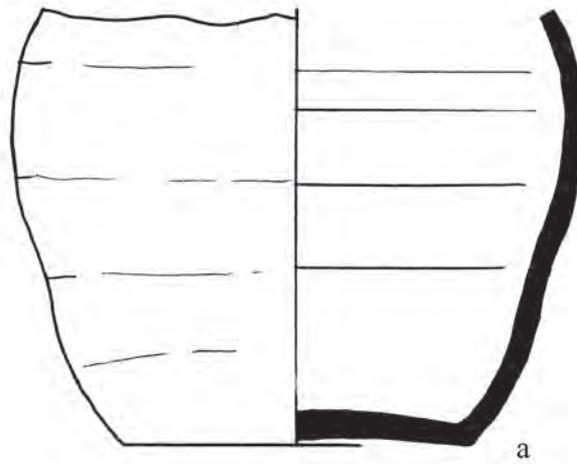

Рис. 4. Керамический материал:
а — фрагментированный лепной горшок, б, с — керамические грузила.